
ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИФОНИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА КУЛЬТУРЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

В.В. Красных

Кафедра общей теории словесности
Филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Россия, 119192

В статье рассматриваются феномены языковой и культурной полифонии, излагается лингвокультурологическое понимание культуры, дается дефиниция лингвокультуры, определяются словарь, семантика и грамматика лингвокультуры. С позиций современных условий обосновываются необходимость учета культуры и лингвокультуры в процессе обучения языку и важность формирования лингвокультурной компетенции.

Ключевые слова: языковая полифония, культурная полифония, культура, лингвокультура, лингвокультурная компетенция.

Совершенно очевидно, что *полифоничность бытия* — это не специфика только сегодняшнего дня, эпохи рубежа веков и смены тысячелетий. Она не есть порождение процессов, происходящих в современном человеческом обществе «здесь» и «сейчас». Думается, что историко-социо-культурно-языковая полифония сопровождает *Homo sapiens* на всем пути его развития, являясь своеобразным естественным фоном среды обитания человека как такового.

Если согласиться с тем, что человек как представитель рода человеческого и как личность есть существо общественное, (со)общество создающее и (со)обществом создаваемое, то следует, вероятно, признать и то, что сам человек, его язык и культура появляются и развиваются одновременно и параллельно, ибо любое человеческое (со)общество одним из необходимых обязательных своих атрибутов всегда имеет именно язык и культуру (ср.: Б. Андерсон: «сообщество» не от слова «общий», но от слова «общение» [1], а также [21; 5; 16]).

Далее, человеческие (со)общества, как правило, не живут изолированно и замкнуто на самих себе, но находятся в контакте (от дружественного до враждебного) друг с другом. И значит, постоянный процесс взаимного проникновения элементов разных культур и языков представляется вполне естественным. Именно они, эти элементы, просачиваясь в иную социо-культурно-языковую среду естественным путем или будучи насаждаемы сверху, оказывают то или иное влияние на (со)общество-реципиент, привнося в него отдельные черты (со)общества-донора, что так или иначе приводит к определенному изменению первого. Разумеется, это никоим образом, во-первых, не значит, что (со)общество-реципиент всегда меняется по образу и подобию (со)общества-донора (изменения могут идти и в обратном, так сказать, направлении, но какие-то изменения будут всегда, т.е. (со)общество-реципиент уже не будет таким, каким оно было до «вторжения» из-

вне), а во-вторых, не значит, что эти изменения происходят мгновенно, отнюдь; это, как правило, достаточно длительный процесс. Данный феномен хорошо известен в науке как аккультурация, которая есть процесс и результат непосредственного, длительного контакта и взаимного влияния групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры (культурных моделей) одной или обеих групп, при том что группы остаются различными. В «Меморандуме для изучения аккультурации» Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц предложили понимание аккультурации, которое сегодня считается классическим в культурантропологии, культурологии и этнопсихологии: «Под аккультурацией понимаются те явления, которые возникают, когда группы индивидуумов с различными культурами вступают в продолжительный и непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные культурные модели одной или обеих групп» [22. Цит. по: 19]. При этом возможны три варианта «развития событий», о которых писали еще в 1935 г. Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц: принятие, адаптация и реакция [7. С. 17; 3]. Думается, что очевидные изменения будут наблюдаться в обществе-/культуре-реципиенте при «принятии» (когда старый паттерн замещается новым, заимствованным у донора; новая культура полностью заменяет старую) и «адаптации» (когда старый паттерн частично изменяется под влиянием донора; новая культура частично заменяет старую). Однако и в случае «реакции» (когда паттерны донора полностью отвергаются, отторгаются, а собственные паттерны активно и усиленно сохраняются «в неизменном виде»; новая культура полностью отторгается) реципиент неизбежно будет меняться: если что-то усиленно охраняется и сохраняется, это приводит к нарочитости и потере естественности, а это значит, что ни о каком «неизменном виде и состоянии» уже речь идти не может.

И здесь сразу необходимы некоторые комментарии. Первое. Еще раз повторим, что речь идет о, как правило, *взаимном* проникновении, т.е. *обоюдном* влиянии (что в принципе не отрицается феноменом аккультурации). Иначе говоря, мы обычно имеем как минимум *двунаправленные* процессы. И второе. Именно эти процессы закладывают фундамент, на котором может возникнуть полифония, и создают ту питательную среду, которая способствует становлению человеческого общества как полифоничного образования. Таким образом, можно предположить, что полифония бытия человека стала формироваться тогда, когда древнейшие племена (в эпоху неолита, а возможно, и раньше) поняли, что они не одиноки в этом мире и что есть «иные», которые, с одной стороны, подобны им, но с другой — отличны от них, и с этими «иными» теперь придется иметь дело. Дальнейшее развитие человечества привело к тому, что такие контакты стали расширяться и углубляться.

Почему же именно сегодня проблемы полифонии оказываются столь актуальными? Вероятно, это связано со значительными и достаточно стремительными изменениями условий жизни человека: это и изобретение новых средств передвижения, позволяющих за короткое время переместиться на значительное расстояние; это и появление новых технологий, делающих возможным сиюминутное об-

щение людей, находящихся в разных точках земного шара; это и определенные изменения в социально-экономической и политических сферах, открывшие многие границы или как минимум значительно облегчившие переезды из страны в страну, и т.д., и как следствие — участвовавшие и ставшие более интенсивными и продолжительными контакты представителей разных культур. Есть и еще одна причина, связанная с тем, что на протяжении последних нескольких сотен лет образуются нации (1), объединяющие разные народы и этносы в единое целое. И процесс этот не закончен до сих пор: в конце XX — начале XXI вв. мы наблюдаем перекройку границ, создание новых образований, формирование новых отношений внутри таковых и проч. и в то же время рост этнического и национального самосознаний. Причем происходят различные события как на уровне «транснациональных» объединений (вспомним, например, сомнения датчан перед вступлением их страны в Евросоюз или проблемы внутри «еврозоны», существующие далеко не только в экономической сфере), так и внутри наций (так, в состав России входят, например, Республика Татарстан, Республика Ичкерия, Республика Саха (2) и др.). Конечно, многие (если не все) проблемы имеют глубокие исторические корни, но от этого они не становятся менее актуальными.

Соответственно, в сфере образования и обучения русскому языку мы имеем сегодня две, казалось бы, разнонаправленные тенденции: с одной стороны, естественное продолжение богатейших традиций преподавания русского языка как иностранного и как неродного, с другой стороны, новые условия, настоятельно требующие — в том числе — новых подходов и учета новых условий. И сразу две оговорки. Первое. Подобное положение не является, разумеется, абсолютно новым: каждый преподаватель в процессе своей профессиональной деятельности сталкивается с естественной необходимостью решения «двойственной» задачи: опора на опыт и использование достижений, с одной стороны, и привлечение современных данных и создание новых материалов — с другой. Однако в наше время, в эпоху перемен, на «синхронном срезе» [18. С. 216] быстро и подчас разительно меняющийся социокультурный контекст обостряет и катализирует «противоречия» и обуславливает особую важность оптимального разрешения данной проблемы. Второе. Как нам представляется, указанные тенденции совсем не обязательно являются разнонаправленными и уж тем более взаимоисключающими. Напротив, сегодня как никогда остро стоит задача сочетания и, если угодно, совмещения их (дабы с водой не выплеснуть ребенка). Так, в сегодняшних условиях особо актуальными, на наш взгляд, являются слова А.А. Леонтьева о том, что обучать русскому языку следует как языку общения и как языку русской культуры. Однако не следует думать, что эти идеи ставят под сомнение необходимость обучения языку как таковому, отнюдь, ибо совершенно очевидно, что без владения произносительными нормами (в самом широком смысле), без знания лексики и — особенно — грамматики невозможно говорить о коммуникативных навыках и умениях, т.е. об успешном участии в коммуникации. Таким образом, ответом на «вызов нашего времени» является сплетение в единый узор традиций и новаций и вплетение их «на равных» в ткань единого образовательного процесса.

В контексте данного разговора нельзя не заметить, что в современном мире мы наблюдаем и явные тенденции к небывалому по масштабу *смешению* языков и культур и тем самым к определенному *смещению* культурных доминант, *изменению* паттернов культур и иерархий ценностей, что не может не отражаться на коммуникативном и, в частности, речевом поведении *Homo Loquens* (человека говорящего). Иначе говоря, мы оказываемся в ситуации постоянно нас окружающей и часто нами не замечаемой полифонии, языковой и (или) культурной. Что кроется за этими терминами?

Языковая полифония по сути своей есть сосуществование на едином коммуникативном пространстве нескольких языков, не предполагающее их обязательного равноправия и равного их функционирования в одних и тех же сферах. И в этом ее принципиальное, на наш взгляд, отличие от дву- или многоязычия, которое можно определить как равноправное сосуществование и равное функционирование двух (нескольких) языков в одних и тех же сферах (образовательной, политической, научной и т.д.). Однако не будет, думается, ошибкой считать дву- или многоязычие одним из видов языковой полифонии, которая представляет собой феномен более широкого порядка.

Культурная полифония предполагает сосуществование нескольких культур в пределах одного национально-лингвокультурного сообщества при их возможном равноправии или неравноправии (вплоть до ситуации доминирования — на правах «титульной», престижной и (или) обязательной для всех — одной из культур).

В связи с понятием культурной полифонии представляется необходимым остановиться подробнее на понимании **культуры**, которая в русле современных взглядов может представать как дискурсное образование и как результат взаимодействия разнонаправленных процессов. К числу данных процессов, а также факторов, которые предопределяют «лицо» той или иной культуры, можно отнести следующие:

- межпоколенная трансляция культурных традиций и предпочтений;
- социальное навязывание в качестве обязательных оценок и представлений;
- идеологическое принуждение к принятию определенных моделей и к ответственности и следованию данным моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых.

Данные процессы и факторы могут быть разнонаправленными, особенно в периоды исторических сломов и разломов, смены эпох и т.д.

В традициях лингвокультурологии культура понимается (вслед за В.Н. Телия) как «*мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой*» [18. С. 222]. Подобное понимание никоим образом не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир идеального / ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимодействия, взаимовлияния и взаимозависимости: анализу подвергаются не сами артефакты (как, из чего и для чего они сделаны) или действия с ними, направленные на удовлетворение некоторой потребности (как они используются в повседневной или какой-либо осо-

бой практике) и под., но их осмысление и переосмысление в культуре (какое место они занимают, какие функции выполняют и проч.). Данная позиция соотносится, на наш взгляд, с «третьим пониманием» культуры, о котором писал Э. Сепир [16. С. 466—470] и которого он сам придерживался: культура как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух (3). Данная концепция культуры вкладывает в единый термин те общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, которые позволяют конкретному народу определить свое место в мире. В силу этого в центр внимания ставится не столько то, во что верит тот или иной народ или что им создано, сколько то, каким образом созданное этим народом и то, во что он верит, функционирует в его жизни и какое значение все это имеет для данного народа. Таким образом, культура в рамках представляемого подхода трактуется как мировидение, миропонимание, мироосознание и мироощущение некоторого сообщества. По сути дела, речь идет о совокупности представлений (в самом широком смысле термина), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют (в первую очередь для себя), в конце концов, осознают окружающий их мир. По идее Г.К. Триандиса, «культура для общества — то же, что память для отдельного человека. Другими словами, культура включает в себя традиции, которые “сообщают” человеку о том, как это “работало” в прошлом. Она также *ориентирует человека в том, как воспринимать окружающий мир и себя самого, оценивать свои, еще не сформированные представления об окружающем мире и должном поведении*» (выделено нами. — В.К.) [20. С. 19].

Формируясь в нас в процессе социализации, это мировидение в то же время формирует нас как личность. Особо следует подчеркнуть, что оно далеко не всегда имеет рациональную природу. Скорее наоборот: как правило, оно иррационально. В нашей повседневной практике оно зачастую остается «невидимым» для отдельного представителя сообщества, хотя и пронизывает все наше бытие. Это мировидение ощутимо проявляется и становится заметным для представителя сообщества в том случае, когда он сталкивается с иным, другим, чужим и — тем более — чуждым. Иначе говоря, при необходимости и (или) желании оно может быть отрефлексовано, правда, данная рефлексия всегда требует определенных усилий. С подобной необходимостью постоянно сталкиваются преподаватели иностранных (неродных) языков и культур.

Таким образом, культура — это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексивно, то, что лежит в основе (культурной) идентификации и самоидентификации личности.

При этом культура обладает способностью, с одной стороны, трансформироваться и изменяться, с другой — воспроизводиться и сохраняться. В указанной способности заключена жизненная сила, жизнестойкость и сама жизнеспособность культуры как таковой. А значит, и того сообщества, которое она «держит», «скрепляет», если угодно, «цементирует». Следовательно, если сообщество хочет

себя сохранить, оно не может не воспроизводить и не сохранять культуру (культурные ценности, оценки, установки, предпочтения, предписания, запреты и под.), унаследованную от предшествующих поколений.

Транслирование культуры может носить как «вертикальный», так и «горизонтальный» характер. Иначе говоря, она поддается передаче как *диахронно* («вертикальная» трансляция) — от предков потомкам, при этом не только непосредственно межпоколенно — от одного поколения другому, но и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; так и *синхронно* («горизонтальная» трансляция) — между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы.

Диахронная, «вертикальная», межпоколенная трансляция культурных традиций, запретов и предпочтений («ненаследственной памяти коллектива, выражающейся в определенной системе запретов и предписаний» [13]) составляет суть социализации личности («врастания ребенка» в культуру, по А.Н. Леонтьеву). Основным (хотя и не единственным) каналом в данном случае является язык. Синхронная, «горизонтальная» трансляция может осуществляться, во-первых, путем знакомства с культурой изучаемого языка (например, на особых занятиях; при этом может использоваться и родной язык учащихся); во-вторых, через изучение собственно языка, который в данном случае должен рассматриваться как средство фиксации и хранения культуроносных смыслов (вспомним идею А.А. Леонтьева о преподавании русского языка как языка русской культуры). И в последнем случае мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью учета в процессе обучения еще одного важного феномена, находящегося в фокусе внимания ряда современных филологических исследований, а именно лингвокультуры.

Лингвокультура — понятие относительно новое; появившись в середине 2000-х гг. [10], оно достаточно быстро завоевало позиции и вошло активный научный обиход. В рамках представляемой концепции лингвокультура предстает как *культура оязыковленная*, т.е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах, как культура явленная нам в языке и через язык. И если языковая картина мира может рассматриваться как сложно устроенное семантическое пространство (эта идея встречается в работах Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой; к такому же заключению можно прийти, проанализировав работы представителей Московской семантической школы), то лингвокультура — феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их *вербальных одеждах*. Соответственно, фокус внимания смещается со знаков языка, овнешняющих образы, на образы, овнешняемые в знаках языка. В этом и заключено принципиальное отличие лингвокультуры от языковой картины мира. Думается, что языковая картина мира может рассматриваться как основной вход в пространство лингвокультуры. И если это так, если мы имеем дело с феноменами различной природы (собственно лингвистической — в языковой картине мира и лингвокогнитивной — в линг-

вокультуре), то это значит, что собственно лингвистические методы исследования едва ли могут быть легко, «безболезненно» и без потерь перенесены на поле лингвокультуры.

Далее, мы имеем две изначально самостоятельные семиотические системы — естественный язык человека и культуру, — каждая из которых обладает своим собственным «языком» (4). Единицами «языка» культуры, как писала еще В.Н. Телия [18], являются ритуалы, символы и проч.; соответственно, «язык» культуры может являть себя в действиях, предметах и проч., реифицироваться в феноменах различной природы, но чаще всего свое воплощение он находит именно в знаках языка. Следовательно, образуется зона пересечения (наложения) языка и культуры, в пределах которой знаки «языка» культуры явлены нам в вербальном воплощении (они вербализованы или — как минимум — вербализуемы, т.е. поддаются оязыковлению), а знаки естественного языка выступают как тела знаков языка культуры (если воспользоваться словами В.Н. Телия [18; 17]). Данная зона пересечения (наложения) языка и культуры и есть линвокультура, представляющая как *третья семиотическая система*, обладающая своим словарем, своей семантикой, собственной грамматикой.

Словарь линвокультуры есть оязыковленные культурные смыслы и образы. Словарь линвокультуры как совокупность единиц обуславливает возможность и необходимость создания словаря линвокультуры как систематического описания таких единиц, что предполагает выявление реестра и лексикографирование как минимум основных (базовых) единиц всех подсистем линвокультуры. Лексикографирование единиц линвокультуры предполагает инвентаризацию языковых единиц, обладающих культуросоносной информацией. На сегодняшний день можно, думается, со всей ответственностью заявить, что в рамках линвокультурологии уже созданы первые словари линвокультуры: «Русское культурное пространство. Линвокультурологический словарь» [15] и «Большой фразеологический словарь русского языка» [4].

Семантика линвокультуры — это культуросоносные смыслы, овнешненные в знаках языка.

Если исходить из того, что грамматика языка — это (в самом широком понимании), с одной стороны, «устройство» языка, а с другой — описание такового, то грамматика линвокультуры есть «устройство» линвокультуры, а также его (устройства) системное описание. Итак, **грамматика линвокультуры** есть таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование. Грамматика линвокультуры как «наука о...» требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования (первые попытки создания грамматики линвокультуры были предприняты автором еще в середине 2000-х гг. [10; 8]).

Исходя из всего сказанного, представляется возможным утверждать, что в сфере линвокультуры язык выполняет функцию означающего, а в роли означа-

емого выступают культураносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая в представленном ранее понимании (подробнее о феномене лингвокультуры, см., напр., [9; 11]).

Основная роль культуры и лингвокультуры заключается, на наш взгляд, во-первых, в формировании, поддержании и сохранении сообществ (этнических, национальных, лингвокультурных и т.д.; применительно к России — национально-лингвокультурного) в процессе их исторического развития с учетом межпоколенных трансформаций; во-вторых, в идентификации и самоидентификации личности с точки зрения ее принадлежности к определенному (в нашем случае — национально-лингвокультурному) сообществу. В основе самоидентификации личности как члена определенного сообщества и идентификации данной личности как «своего» или «чужого» со стороны того сообщества, к которому данная личность себя причисляет, лежит определенная совокупность знаков, значений, знаний, интересов, целей, установок, оценок и проч. (т.е. в том числе единиц культуры и лингвокультуры), которую человек осваивает, усваивает и присваивает в процессе социализации.

Важнейшими функциями культуры и лингвокультуры, как показывают наблюдения, являются следующие: конгломерирующая (объединяющая «своих»), дифференцирующая (отграничивающая от «чужих — иных — других», т.е. «не своих»), идентифицирующая (зд.: устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу) и легитимирующая («узаконивающая», придающая феномену статус признанного (принятого, достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость).

***

В завершение затем, что, на наш взгляд, представляется возможным и вполне правомерным экстраполировать идею В. фон Гумбольдта о «сплетении» человеком языка внутри себя и «вплетении» себя в язык [6] на культуру и лингвокультуру и включить их в указанные акты «сплетения» и «вплетения». Если согласиться с данной экстраполяцией и пойти дальше в своих рассуждениях, то можно прийти к логическому выводу, что *за любым проявлением жизнедеятельности человека стоит триада «язык — культура — лингвокультура».*

Исходя из этого, следует особо подчеркнуть, что в современных условиях языковой и культурной полифонии, имеющей место и в границах отдельного государства (для России это особенно актуально), и в мире в целом, представляется крайне необходимым учитывать в процессе преподавания языка культуру и лингвокультуру, ибо последние достижения филологической науки со всей очевидностью свидетельствуют, что адекватная и — тем более — успешная коммуникация возможна тогда, когда коммуниканты в должной мере владеют не только языком общения (определенным естественным языком), но и «языком» культуры, и лингвокультурой, которые «тенью отца Гамлета» стоят за любым коммуникативным актом.

Иначе говоря, успешная коммуникация имеет место, когда участники таковой обладают не только языковой и речевой компетенциями, но и культурной, комму-

никативной, дискурсивной и проч. (подробнее о видах компетенций см., напр., [15]). Сегодня же представляется возможным говорить и еще об одном виде компетенции, принципиально важном для формирования *Homo Loquens* и для его адекватной реализации в общении, а именно: о компетенции лингвокультурной. Очевидно, что формирование данного вида компетенции может осуществляться разными способами, что необходимо требует (и это еще один вызов нашего времени) разработки различных тактик и стратегий обучения. И думается, что далеко не последний фактор, который при этом должен учитываться, — это «статус» языка, которым овладевает конкретный индивид: родной язык, второй родной, неродной или иностранный. Но это — тема отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В данном случае нация понимается вслед за Б. Андерсоном и «воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения» [1]. Нельзя не заметить, что подобные идеи еще в первой половине XX в. высказывал Н.А. Бердяев: «Нация есть динамическая субстанция, а не переходящая историческая функция, она корнями своими врастает в таинственную глубину жизни. Национальность есть положительное обогащение бытия, и за нее должно бороться, как за ценность. Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов. Уход из национальной жизни, странничество – чисто русское явление, запечатленное русским национальным духом. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность — сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, создающего ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности. Национальность — таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие» [2].
- (2) В 2012 г. на крупной международной конференции, состоявшейся в Якутске, первый слайд одного из очень серьезных пленарных выступлений содержал следующие слова: «Государство Саха (Республика Якутия)...». Отметим, что доклад был сделан одним из ведущих якутских специалистов в области этнографии. По нашему мнению, здесь есть, над чем задуматься всерьез...
- (3) Как видим, в данном случае разводятся понятия «культура» и «цивилизация».
- (4) Дабы, во-первых, не вдаваться в долгие рассуждения, что есть язык, и, во-вторых, не путать читателя, данное слово в сочетании с культурой мы берем в кавычки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders
- [2] Бердяев Н.А. Судьба России. — URL: <http://klex2.ru/24b>

- [3] Библиотека «Культурология: теория, школы, история, практика». — URL: <http://www.countries.ru/library/terms/akcult.htm>
- [4] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
- [5] *Гириц К.* Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследованных культур. Интерпретации культуры. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. — (Серия «Культурология. XX век»). — С. 115—140.
- [6] *Гумбольдт В. фон.* Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гульги и В.А. Звезгинцева. — М.: Прогресс, 2000. — URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>
- [7] *Кравченко А.И.* Культурология: Словарь. — М.: Академический проект, 2000.
- [8] *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. — СПб.: МИРС, 2008. — С. 333—344.
- [9] *Красных В.В.* Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2012. — № 3. — С. 67—73.
- [10] *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. — 2005. — № 7 (12). — С. 10—24.
- [11] *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2013. — № 2. — С. 7—18.
- [12] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V. Уч. зап. ТГУ. — Вып. 284. — Тарту: Издательство Тартуского университета, 1971. — С. 147.
- [13] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). — URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> или http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/15.php
- [14] *Михалкина И.В.* Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения: Дисс. ... докт. пед. наук. — М., 1998.
- [15] Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. — М.: Гнозис, 2003. — Вып. 1.
- [16] *Сенир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.
- [17] *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — С. 776—782.
- [18] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, культурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- [19] *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. — М.: Высшая школа, 1978. — 352 с. — Глава 11. Этнопсихологическое направление в американской этнографии. — URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/tokarev_ist/03.aspx
- [20] *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. — М.: ФОРУМ, 2011.
- [21] *Уайт Л.А.* Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. — 2-е изд. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — (Серия «Культурология. XX век»). — С. 17—48.
- [22] *Redfield R., Linton R., Herskovits M.* Memorandum for the study of acculturation. In: *American Anthropologist*. — V. 38. — 1936. — Pp. 149—152.

LITERATURA

- [1] *Anderson B.* Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokax i rasprostraneniі natsionalizma. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/sociolog/anders
- [2] *Berdyayev N.A.* Sudba Rossii. — URL: <http://klex2.ru/24b>
- [3] Biblioteka «Kulturologiya: teoriya, shkoly, istoriya, praktika». — URL: <http://www.countries.ru/library/terms/akcult.htm>
- [4] Bolshoj frazeologicheskij slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskij kommentarij / Otv. red. d-r filol. Nauk V. N. Teliya. — M.: Ast-press kniga, 2006.
- [5] *Girc K.* Vliyanie koncepcii kultury na koncepciyu cheloveka // Antologiya issledovanij kultury. Interpretacii kultury. — 2-e izd. — SPb.: Izdatelstvo Sankt-petersburskogo universiteta, 2006. — (Seriya «Kulturologiya. XX vek»). — S. 115—140.
- [6] *Gumboldt V.* Fon. priroda i svojstva yazyka voobshhe // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. / Obshh. red. g. v. ramishvili; poslesl. A.V. Gulygi i V.A. Zveginceva. — M.: Progress, 2000. — URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>
- [7] *Kravchenko A.I.* Kulturologiya: Slovar. — M.: Akademicheskij proekt, 2000.
- [8] *Krasnyx V.V.* Grammatika lingvokultury: sistema koordinat, sistema taksonov, sistema mente-faktov // Russkij yazyk i kultura v formirovanii edinogo sociokulturnogo prostranstva rossii. — SPb: Mirs, 2008. — S. 333—344.
- [9] *Krasnyx V.V.* Kultura, kulturnaya pamyat i lingvokultura: ix osnovnye funkcii i rol v kulturnoj identifikacii // Vestnik CMO MGU. Filologiya. Kulturologiya. Pedagogika. Metodika. — 2012. — № 3. — S. 67—73.
- [10] *Krasnyx V.V.* Kulturnoe prostranstvo: sistema koordinat (k voprosu o kognitivnoj nauke) // Respectus philologicus. — 2005. — № 7 (12). — S. 10—24.
- [11] *Krasnyx V.V.* Lingvokultura kak obekt kognitivnyx issledovanij // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. — 2013. — № 2. — S. 7—18.
- [12] *Lotman Yu. M., Uspenskij B.A.* O semioticheskom mexanizme kultury // Trudy po znakovym sistemam v. uch. zap. tgu. — vyp. 284. — Tartu: Izdatelstvo tartuskogo universiteta, 1971. — S. 147.
- [13] *Lotman Yu. M., Uspenskij B.A.* Rol dualnyx modelej v dinamike russkoj kultury (do konca XVIII veka). — URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> ili http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/ysp/15.php
- [14] *Mixalkina I.V.* Lingvometodicheskie osnovy obucheniya inostrannyx grazhdan russkomu yazyku kak sredstvu delovogo obshheniya. Diss. ... dokt. ped. nauk. — M., 1998.
- [15] Russkoe kulturnoe prostranstvo. Lingvokulturologicheskij slovar / Pod red. I.V. Zaxarenko, V.V. Krasnyx, D.B. Gudkova. — M.: Gnosis, 2003. — vyp. 1.
- [16] *Sepir E.* Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii: Per. s angl. / Obshh. red. i vstup. st. A.E. Kibrika. — M.: Izdatelskaya gruppa «Progress», «Univers», 1993.
- [17] *Teliya V.N.* Posleslovie. Zamysel, celi i zadachi frazeologicheskogo slovarya novogo tipa // bolshoj frazeologicheskij slovar russkogo yazyka. znachenie. upotreblenie. kulturologicheskij kommentarij / Otv. red. V.N. Teliya. — M.: Ast-press kniga, 2006. — (fundamentalnye slovari). — S. 776—782.
- [18] *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij, kulturologicheskij aspekty. — M.: Shkola «yazyki russkoj kultury», 1996.
- [19] *Tokarev S.A.* Istoriya zarubezhnoj etnografii. — M.: Vysshaya shkola, 1978. — Glava 11. Etnopsixologicheskoe napravlenie v amerikanskoj etnografii. — URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/tokarev_ist/03.aspx
- [20] *Triandis G.K.* Kultura i socialnoe povedenie. — M.: Forum, 2011.
- [21] *Uajt L.A.* Ponyatie kultury // antologiya issledovanij kultury. interpretacii kultury. — 2-e izd. — SPb.: Izdatelstvo Sankt-Petersburskogo universiteta, 2006. — (Seriya «Kulturologiya. XX vek»). — S. 17—48.
- [22] *Redfield R., Linton R., Herskovits M.* Memorandum for the study of acculturation. In: American Anthropologist. — V. 38. — 1936. — Pp. 149—152.

**TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
IN THE SITUATION OF LANGUAGE AND CULTURE POLYPHONY:
CONSIDERATION OF CULTURE AND LINGUO-CULTURE
IN THE PROCESS OF TEACHING**

V.V. Krasnykh

Moscow State University
Lomonosov Prospect, 27, bldg. 4, Moscow, Russia, 119192

The phenomena of language and culture polyphony are in focus in the given article. Culture from the point of view of linguo-cultural studies is presented. Linguo-culture as such, as well as vocabulary, semantics and grammar of linguo-culture are defined. The necessity of culture and linguo-culture consideration in the process of language teaching is grounded, and the importance of lingual-cultural competence formation is propounded.

Key words: language polyphony, culture polyphony, culture, linguo-culture, lingual-cultural competence.